

— Я самый, въ натуральную величину передъ вами. Вотъ пришелъ, благо батька обѣдать отправился. Надо же душу отвести.

— Тоже туда же,—сквозь бороду пробурчалъ Степанъ Степановичъ,—тоже туда же. У тебя еще молоко то не обсохло на губахъ, а тоже туда же...

— Да, нонче прогрессъ, не то, что въ наше съ тобой время,—согласился Алексѣевъ.

— Да я, знаете, братцы, съ горя.

При этихъ словахъ взоръ юноши затуманился и онъ ударилъ себя въ грудь.

— Какое тебѣ горе, — уставился на него Степанъ Степановичъ. — Такъ себѣ, у тебя тараканы въ башку залѣзли, покоя не даютъ. Ну вотъ, ты съ жиру и бѣсишься. Батька небось балуетъ, парня по головкѣ гладить, а онъ себѣ руку вон, какъ зацущаетъ...

Степанъ Степановичъ, засучивъ лѣвую руку, сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая указать, какъ въ кассу руку запускаетъ молодой челоуѣкъ.

— Это вы напрасно,—вспыдиль юноша,—этимъ мы не занимаемся. Мнѣ мамаша сколько хошь дастъ. Скажу, дай сто рублей, — дастъ. Скажу, дай двѣсти, триста, пятьсотъ, тысячу,—дастъ. И не спроситъ куда.

— Ой, заврался, — ласково остановилъ его Алексѣевъ.—Такихъ матерей нѣтъ. Безпремѣнно спроситъ куда.

— Это вы такъ думаете, Иванъ Ивановичъ. Вы не забудьте, вѣдь я у нея одинъ, какъ перстъ одинъ.

— Къ столику не присядите ли?—предложилъ Федоръ Матвѣевичъ.

— А что, вѣдь и вправду, Степа, сядемъ,—предложилъ Алексѣевъ.

— Ну, какъ хошь,—согласился тотъ.

Сѣли. Подали графинчикъ водки. Принесли закуски.

— Вы позволите, — отодвигая стулъ, обратился къ сидящимъ молодой парень.

— Да ты, Андрей Федоровичъ, садись, угощу, да-ромъ, что твоего отца товарищъ. Мнѣ наплевать. Пусть говоритъ, что снапваю евонова сына, — добродушно улыбаясь, говорилъ Степанъ Степановичъ и налилъ большую рюмку Андрею Федоровичу.

— Чѣмъ закусывать будешь?—спросилъ Алексѣевъ.

— Да я, селедочкой.

— Брось селедку, возьми зеленого луку со сметаной. Вотъ намъ подали, знаетъ Федоръ Матвѣевичъ нашу привычку.

Молодой человѣкъ согласился. Началась выпивка. За графинчикомъ послѣдовалъ другой, третій. Компанія оказалась на взводѣ. Степанъ Степановичъ, поглаживая бородку, все продолжалъ говорить о Чабоковѣ. Какъ онъ изъ деревни мальчишкой пріѣхалъ, цѣловальникомъ былъ, въ буфетчикахъ простоялъ, а потомъ душу замоталъ женскую.

— Мотъ, однимъ словомъ мотъ. Колдунъ не колдунъ, а сердцеѣдъ. Такъ женское сердце съѣстъ, точно луку со сметаной и не поморщится. Одну въ могилу свелъ, другая въ сумашедшемъ домѣ, Марфу Петровну обобралъ, какъ липку, а теперь, вишь, сталъ бывать у Тучининыхъ. Приглянулася ему видно Елизавета Петровна.

— Да, дѣвица славная, образованная, — вмѣшался Алексѣевъ.

— Ну, на счетъ образованія, погодить надо, — вставилъ Андрей Федоровичъ. — Какое у нихъ можетъ быть образованіе. Сѣрые они люди. На счетъ грамоти самъ батѣка слабоватъ. Какъ сестренку выдавали мою,

у нихъ покупали все золото и серебро, такъ счетъ такой подали, что мы съ сестренкой въ покатушку смѣялись. Браллианты, серебро черезъ „Ъ“ написали—словомъ грамотѣи. Дочка у нихъ—цвѣтъ маковый. И умна, и тиха, поетъ хорошо.

— Вотъ этимъ то пѣніемъ и погубила себя, — вмѣшался Степанъ Степановичъ.

— Да ты не каркай. Неизвѣстно, погубила-ли, либо нѣтъ.

— Коли я говорю погубила,—ударивъ кулакомъ по столу, зарычалъ Степанъ Степановичъ,—такъ я знаю, что говорю.

— Вѣрно, Степанъ Степановичъ, ваша истина—согласился молодой человѣкъ.

На глазахъ его стояли слезы и онъ еле, еле удерживалъ ихъ.

— Этотъ мерзавецъ не передъ чѣмъ не остановится чтобы загубить эту дѣвчонку. Она, дура, нюню распустила. Сладкимъ голосомъ занялась... Знаю этого Степаныча, мерзавецъ...

— Да вѣдь она невѣста, за нашего купца выходитъ, все и забудется, — добродушно опонировалъ Алексѣевъ.

— Либо выйдетъ, либо нѣтъ, но этотъ Степанычъ ее изъ лапъ не выпуститъ, Не даромъ для нея спектакли ставилъ „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“. Самъ вмѣстѣ съ нею участвовалъ.

— Одна заводиловка! — кричалъ Степанъ Степановичъ, такъ ударивъ кулакомъ по столу, что всѣ рюмки задрожали.

Молодой человѣкъ, облокотясь, повѣсилъ голову.

— И такъ и я ее любилъ, такъ мечталъ о ней, а она только дурачилась со мной. Однѣ насмѣшки,

Андрей Федоровичъ всхлипнулъ. Слезы полились.

Собутыльники его удивленно глядѣли на эти слезы. Они были такъ далеки отъ всего того, что тревожило душу этой молодой натуры.

— Брось, Андрюха брось, тебѣ говорятъ брось,— унималъ его Степанъ Степановичъ.

— Ты, Степа, его не тревожь, — вмѣшался Алексѣевъ, — поплачить, вся эта жидкость выйдетъ, ну и полегчаетъ на душѣ.

— Чаю,—крикнулъ зычнымъ голосомъ Степанъ Степановичъ.

Подбѣжалъ лакей.

— На двухъ, на трехъ, прикажете?

— Вали на трехъ, да съ лимономъ, видишь, налимонились, да еще мало.

— Миѣ въ лавку надо,—спохватился Алексѣевъ.

— А я ужъ не пойду. Куда я годенъ? Миѣ только спать завалиться впору, — рѣшилъ Степанъ Степановичъ.

Молодой человѣкъ уныло глядѣлъ куда-то въ даль.

— Нѣтъ, надо въ лавку,—рѣшилъ и онъ.

Быстро онъ поднялся и, кивнувъ своимъ собесѣдникамъ, бросился къ выходу.

II.

Елизавета Петровна дочь торговавшего въ Апраксинѣ серебромъ, золотомъ и брилліантами росла въ исключительной обстановкѣ набожныхъ старовѣровъ. Они принадлежали къ Никольскому приходу, что на Николаевской и строго соблюдали заветы отцевъ и дѣдовъ.

Братья впитали въ себя традиціи родителей, придерживались строгому режиму, въ смыслѣ хожденія

въ церковь до и во время праздниковъ, помнили прекрасно дни поминовенія усопшихъ родственниковъ, день Ангела покойныхъ и живыхъ и тщательно проявляли свое вниманіе къ стародавнимъ обычаямъ и порядкамъ.

Лизокъ, младшая изъ всѣхъ дѣтей, была баловнемъ родителей. Петръ Никифоровичъ, такъ звали отца молодой дѣвушки, затруднялся отказать ей въ чемъ то ни было. Она воспитывалась въ лучшемъ пансіонѣ, но въ четвертомъ классѣ заболѣла скарлатиною, пролежала полтора мѣсяца и сильно исхудала. По совѣту врача ее взяли изъ пансіона и отправили въ Тульскую губернію къ теткѣ для поправки здоровья.

Тамъ она прожила два года. Вернулась она въ Петербургъ, когда ей было шестнадцать лѣтъ. Вліяніе сельскаго воздуха благотворно отразилось на ея здоровьи. Она разцвѣла въ полномъ значеніи этого слова.

Первое время она дичилась, не показывалась въ гостиной, когда являлись гости, боялась большого общества и даже въ театрѣ, сидя въ ложѣ съ родителями, пряталась въ уголокъ, чтобы не афишировать свою персону. А между тѣмъ темные, жгучіе глаза, длинныя черныя рѣсницы, красивый овалъ слегка смуглаго лица прекрасная шевелюра давали ей право гордо глядѣть на своихъ соперницъ и сверстницъ. Красивый, умѣренный бюстъ и тонкая талія, граціозныя движенія и аристократическая рука съ продолговатыми розовыми ногтями — все это такъ гармонировало, такъ сочеталось въ одно прекрасное цѣлое, что можно было только удивляться игрѣ природы.

Какъ среди громаднаго поля ржи, перою разцвѣтаетъ махровая гвоздика, такъ поражало это граціозное явленіе въ сѣрой средѣ закорюзлыхъ старообрядцевъ.

— И въ кого она такая?— порою удивлялся Петръ Никифоровичъ, любуясь на свою дочь.

Но не одной виѣшностью она отличалась отъ своей среды. Въ ней все было какъ-то особенно.

Эстетическій вкусъ ко всему прекрасному, красивому и возвышенному пустилъ въ ней глубокіе корни. Она по слуху подбирала всякіе мотивы, а въ особенностяхъ вальсы.

Какъ-то, однажды, въ пользу обѣднѣвшей семьи овдовѣвшей купчихи Апраксина двора устроенъ былъ вечеръ въ залѣ Павловой на Троицкой улицѣ. Публики тамъ набралось видимо невидимо. Давали „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“. Играли любители. Молодого цыгана исполнялъ Петръ Степановичъ Чабоковъ.

У него былъ сносный теноръ. Пѣлъ безо всякой школы, какъ Богъ на душу положитъ, но исполнялъ цыганскія пѣсни, подражая манерѣ пѣнія знаменитаго въ свое время Шишкина. Этотъ цыганскій Мазинъ когда то кружилъ головы скучающихъ вдовицъ и экспансивныхъ аристократокъ.

Однажды прямо изъ Аркадіи Дмитрія Шишкина увезла къ себѣ во дворецъ княжна Мими, какъ ее звали въ салонахъ высшаго общества. Замужъ даже она хотѣла выйти за Дмитрія Шишкина. Но тутъ вмѣшались братья, изъ коихъ одинъ носилъ свитскую форму, почему особенно былъ шокированъ поведеніемъ сестры.

Воркующую парочку отправили за границу, гдѣ медовый мѣсяцъ фривольнаго брака завершился громкимъ скандаломъ. Парижскія газеты на всѣ лады трактовали о ревнивой княгинѣ и о красивомъ цыганѣ, промѣнявшемъ аристократку на ея горничную.

Вотъ этому то цыганскому Мазину въ его манерахъ пѣнія подражалъ дилеттантъ трагичецикъ Чабоковъ.

Елизавета Петровна впервые въ жизни услышавшая цыганское пѣніе, эти захватывающіе душу страстные мотивы, была сама не своя. Глаза ея горѣли, сердце усиленнымъ темпомъ отражало каждое движеніе пошлой сперетки и впервые у нея явилась жажда неиспытанныхъ, неизвѣданныхъ ощущеній.

Послѣ спектакля былъ сервированъ ужинъ. На немъ распорядился никто иной, какъ самъ трактирный ханъ.

Впервые она видѣла передъ собою лицедѣя сцены и слѣдила за нимъ въ теченіи всего ужина.

Красивая дѣвушка въ простомъ, но эlegantномъ туалетѣ обратила вниманіе Чабокова. Онъ нашелъ обихихъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ погребщикомъ Павломъ Павловичемъ С. подошелъ къ столику, за которымъ въ сторонѣ воссѣдала семья Тучининыхъ.

Когда Чабокова представляли Елизаветѣ Петровнѣ, сердце у нея перестало биться. Она вся покраснѣла и едва переводила дыханіе.

Петръ Степановичъ дольше обыкновеннаго задержалъ руку красавицы нѣсколько разъ пожимая ее, какъ бы желая особенно подчеркнуть, что она ему нравится.

Чуткая молодая дѣвушка съ любопытствомъ и со страхомъ глядѣла на красивое лицо, только что выступавшаго тенора и автоматически отеѣчала на рукопожатіе.

Родители, не обративъ вниманія на эту минутную рѣшающую сцену, пригласили Петра Степановича присѣсть къ ихъ столу.

Подали шампанское и снова Петръ Степановичъ выразительно чокнулся съ Елизаветой Петровной.

Глаза его демонически пронизывали душу молодой дѣвушки, приводя ее въ необычную доселе вибрацію.

На слѣдующій день, когда отецъ и братья молодой дѣвушки находились въ лавкѣ, прислуга доложила что явился какой то господинъ и спрашиваетъ барышню. Она находилась вся еще подъ впечатлѣніемъ вчерашняго дня. Дома она одѣвалась просто и не въ коемъ случаѣ не подозрѣвала о томъ, кто ее спрашиваетъ.

Она вышла въ прихожую и остановилась, какъ вкопанная, завидя самого Чабокowa.

— Простите, но я счелъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать вамъ и уважаемымъ родителямъ вашимъ свое нижайшее почтеніе,—мягкимъ теноромъ протонировалъ Чабокowъ.

— Пожалуйста зайдите, — робко произнесла она указывая на дверь въ гостиную.

Петръ Степановичъ моментально сбросилъ пальто и вошелъ. Но Елизавета Петровна исчезла. Она бросилась въ свою комнату и заперлась.

Что въ ней говорило въ данную минуту, трудно сказать. Былъ ли это страхъ передъ красавцемъ, овладѣвшимъ ея сердцемъ или она не считала себя вправѣ принимать кого либо въ отсутствіи родителей,—трудно сказать. Петръ Степановичъ походилъ взадъ и впередъ по гостиной минутъ пять.

— Навѣрно она переодѣвается,—рѣшилъ онъ, зная обычное кокетство женщинъ.

Прошло десять минутъ, но никто не являлся. Потерявъ терпѣніе и, замѣтивъ, что никого въ домѣ нѣтъ, кромѣ старухи кухарки, Петръ Степановичъ сталъ смѣлѣе.

Онъ направился по коридору къ той двери, изъ которой онъ видѣлъ, что выходила Елизавета Петровна.

Онъ постучался. Отвѣта не послѣдовало. Онъ взялся за ручку. Дверь была заперта.

— Елизавета Петровна выйдите на минутку, а не

то я сейчасъ уйду,—сказалъ Чабоконъ, умоляющимъ тономъ.

Это подѣйствовало.

— Я сейчасъ выйду,—тихо послышался голосъ за дверью.

Еще прошло нѣсколько минутъ и на порогѣ въ гостиную появилась она.

Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ.

— Простите,—начала она, но папы дома нѣтъ, а мама въ церкви.

— Въ такомъ случаѣ вы дома. Развѣ вамъ не позволяютъ принимать гостей родителей?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, но неловко...

— Въ такомъ случаѣ я уйду. Позвольте только пожать вашу руку.

— Нѣтъ, сядьте, что же вамъ уходить, посидите.

Петръ Степановичъ поспѣшилъ занять кресло. Противъ него робко усѣлась Елизавета Петровна.

— Какъ вамъ понравился вчерашній спектакль?

— Очень, очень,—съ выраженіемъ произнесла она.

— Я не совсѣмъ былъ вчера въ голосѣ. На меня возложили столько хлопотъ по устройству ужина, что я замотался и пѣлъ потому не съ тѣмъ жаромъ, какъ обыкновенно.

— Вы прекрасно пѣли съ воодушевленіемъ произнесла Елизавета Петровна.

— Вы находите? вы очень любезны.

— Нѣтъ, правда. Миѣ очень понравилось, какъ вы пѣли.

— А вы не поете?

— Немножко. У меня маленькій голосъ и я не училась пѣть. Я ноть не знаю и пою по слуху.

Въ дѣтствѣ я хотя и училась хорошему пѣнію, но ноты забыла.

— По тону вашего разговора я слышу, что у васъ чудный голосокъ. Я буду вамъ давать уроки и вы разучите партію Стеши.

— Что вы, что вы, развѣ можно? Я совсѣмъ не знаю музыки.

— Это ничего не значить. Мы съ вами быстро выучимъ эту партію. Вся ваша фигура, красота, молодость, эти дивные глаза, все говоритъ, что лучшей Стеши не найти.

— Вы надо мной смѣтаетесь. Какъ вамъ не стыдно?

— Нѣтъ, сударыня, не смѣюсь. Я всю ночь не могъ спать, послѣ того, какъ увидѣлъ васъ. Что-то въ сердцѣ моемъ творится невѣроятное. Меня сегодня съ утра тянуло сюда съ невѣроятной силою.

Елизавета Петровна опустила глаза, какъ бы боясь выдать себя.

— Я вамъ говорю откровенно,—продолжалъ онъ.— Знаете ли, что значить увлечься, полюбить?

Петръ Степановичъ всталъ и подошелъ къ креслу на которомъ сидѣла она.

— Дайте вашу ручку.

Робко она протянула ему правую руку, которую Петръ Степановичъ покрывалъ поцѣлуями.

— Что вы, что вы?,—испугано зашептала Елизавета Петровна.

Она пробовала вырвать свою руку, но это было не такъ легко.

— Я васъ люблю,—шепталъ страстно и съ выраженіемъ Петръ Степановичъ,—и, не будь одно препятствіе, я повелъ бы васъ подъ вѣнецъ. Но теперь.....

Петръ Степановичъ выпустилъ ея руку и грустно повѣсилъ голову.

— Не скрою, я женатъ. Правда, жена моя въ провинціи и мы уже давно разошлись, но разводъ не такъ